

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

СВТ. НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ
(ВЕЛИМИРОВИЧ)

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПЛОТИ
(Часть IV)¹

ПЕРЕВОД С СЕРБСКОГО

Сергей Павлович Фонов

Православное издательство «Паломник»
palonmik@gmail.com

Для цитирования: *Николай Сербский (Велимирович), свт.* Реабилитация плоти (Часть IV). Перевод С. П. Фонова // Диакрисиc. 2024. № 3 (23). С. 14–32. DOI:10.54700 // diakrasis.2024.3.20.001

Аннотация

УДК 27-29

Публикация представляет собой перевод с сербского языка работы «Реабилитация плоти» известного сербского святого богослова и плодовитого церковного писателя XX века — свт. Николая (Велимировича), епископа Жичского (1880–1956). Свт. Николай в этой работе прослеживает тему отношения к телу и посмертной участи души и тела в дохристианских и нехристианских религиях и учениях, а также в Ветхом Завете и, наконец, в христианстве, показывая исключительность христианских представлений о ценности тела в свете Христова Воскресения и грядущего Всеобщего Воскресения и жизни вечной.

Ключевые слова: свт. Николай Сербский (Велимирович), христианство, Пасха, Воскресение, смерть, вечная жизнь, человеческое тело.

¹ Разрешение на публикацию перевода любезно предоставлено директором православного издательства «Паломник» П. Н. Роговым.

IV

Христианство реабилитировало плоть проповедью о *Воскресении Христа* из мертвых и о *Воплощении Бога*. Оправдав же плоть, оно тем самым совершило переворот, вдохнув в мир освежающую и омолаживающую силу.

1. Вера в Воскресение Христа служила отправным пунктом христианской миссии в мире. Всё, над чем трудился и о чем учил Христос, — [всё это] с Его смертью было, по большей части, омрачено и уничтожено. По смерти Учителя Его друзья разбежались кто куда. Оставшиеся в Иерусалиме жили в смертном страхе, с одной стороны, перед государственной властью, правомочной в любую минуту объявить их вне закона и предать той же участи, что и их Вождя, а с другой стороны, опасались они раздраженного народа, чувствовавшего себя обманутым назаретским Пророком, Которому устраивал он такие овации, будучи уверен, что Он — Мессия, а с этим именем народ связывал бесчисленные надежды. Христос же умер, не осуществив ни одного из сих чаяний, ни одного упования — ни Своих друзей и сторонников, ни толпы народа, [мгновенно] собиравшейся вокруг Него, где бы Он ни появлялся. Легко угадать, что произошло бы, не будь Христова Воскресения. Воспользовавшись удобным случаем, галилейские рыбаки без оглядки бежали бы из Иерусалима и вернулись к своим очагам и рыболовным сетям, отрекаясь от своего бывшего Учителя без каких-либо раздумий, как только стала бы им где-то угрожать опасность, — точно так же, как и Петр, [что] еще во время жизни Христа отрекся от Него. И уже никакая человеческая сила не смогла бы с легкостью вновь оторвать их от привычного мирного образа жизни, и ничьи пророческие слова: *Идите за Мною* (Мф. 4, 19) — не произвели бы уже на них никакого впечатления. Христос жил бы в воспоминании одного или двух людских поколений, а затем время изгладило бы всякий Его след, [засыпав эту память новыми событиями]. — Так все бы это свершилось, если бы Иисусова трагедия окончилась кровавой насильственной смертью, как обычно и завершаются драмы человеческой жизни. Но в трагедии Иисуса был и шестой акт.

Произошло неожиданное. Христос явился Своим присным уже после того, как черный занавес Его земной жизни был опущен. И это Его посмертное явление, собственно, и знаменует собой начало христианской эры. Оно произвело перелом в учениках, вернув их к вере во Христа и утвердив в этой вере. С той минуты ученики стали христианами. Таковыми сделала их вера в Воскресшего. Поэтому Христово Воскресение стало лейтмотивом их проповеди и средоточием их религиозного энтузиазма. Их *благовестие* миру, в собственном смысле, заключалось не в том, о чем учил Иисус из Назарета, а в том, что с Ним произошло. «Сей Иисус из Назарета, которого распяли, — говорят они всюду, куда приходят и где останавливаются, — восстал из мертвых, и мы сему свидетели!» (ср. Деян. 2, 23–34; 3, 15; 5, 32; 13, 30–31). Сколько бы раз ни отверзал апостол Петр своих уст, столько [раз] повторяет он эту мысль о Воскресшем из мертвых (см. Деян. 2, 22–24; 3, 14–15; 4, 9–10); и не только Петр, но в купе с ним и другие апостолы (см. Деян. 5, 30). Вера в Христово Воскресение совершила религиозный переворот и в Савле, и потому стала у Павла главным мотивом к обращению язычников в христиан. Основополагающая и почти исключительная мысль апостола Павла — это [неизменно] Христово Воскресение; неустанно повторяет он ее и во время миссионерской проповеди в Антиохии, Фессалонике или Афинах и — защищаясь от иудеев — пред Феликсом или Агриппой (см. Деян. 9; 13, 26–32; 17, 18. 31; 24, 15; 26, 8). Почти ничего не говорит апостол об Иисусовой жизни и учении, но только о Его Воскресении и о значении сего [для мира]. Все богословие апостола Павла понятно лишь тогда, если предположить, что строится оно на его вере в Воскресение.

Проповедь о Воскресении римляне и эллины поначалу считали безумием (см. Деян. 26, 24; 17, 18–32). Но это было только поначалу. Когда же христианская проповедь пустила корни в среде людей простых и некнижных, когда вера в Воскресение стала достоянием широких масс, тогда, как полный жизни источник, привлекла она к себе и [людей] образованных, и ученых. О том, что с помощью богов мертвые восстают из могил, говорили исстари; но то были либо поэты, либо «суеверный» народ, да и к тому же давно уже перестали твердить об этом, те времена, [когда можно

было такое услышать], погрузились в миф. А теперь вдруг с проповедью о Воскресении какого-то Человека выступают не стихотворцы и не легковверные простецы, а люди, лишённые чрезмерной мечтательности и не подверженные предрассудкам; и что весьма важно — свидетелей сему не два и не три, а целые толпы. Лицемерли они Воскресшего после смерти — вот и обходят землю с той же самой проповедью. Увидел языческий мир и убедился, что для миссионеров проповедь о Воскресении — не шутка, и не пустое обольщение, которое легко можно развеять, а кровавая явь: они ее засвидетельствовали собственной кровью на глазах сего политического мира. И сей мир многобожия, душу которого покидала всякая религиозность, начал верить в эту залитую кровью действительность; а приняв веру в Воскресение мертвых, языческий мир начал становиться христианским. Все прочие истины христианства, включая и целую систему нравственности, пришли позднее — последовали за верой в Воскресение. Абсурдна [и безрассудна] мысль о том, что кто-то мог стать и быть христианином без веры в Воскресение Христово, опираясь на одни только добродетели или на веру в [бытие] Бога, в бессмертие души и в братство всех людей. Ведь все это, за исключением веры в Воскресение, можно было найти и у язычников. Платон и Филон по части добродетелей были людьми образцовыми, достойными встать плечом к плечу с лучшими представителями христианства. Эпиктет своими мыслями и неоплатоник Плотин благородством души стояли выше некоторых епископов, участвовавших в великих церковных Соборах. Языческий царь Марк Аврелий был человеком не менее достопочтенным, чем христианский император Константин. Тем, что на первых порах отличало христианина от других людей, была его вера в Воскресение, а добропорядочная жизнь вытекала [уже] из этой веры.

Вдумчивые читатели сразу смогут увидеть отличие первоначальной христианской веры в загробную жизнь от учений философских, выделив преимущества первой над сими последними, могущие поспособствовать ее скорейшему распространению. Таких преимуществ два: одно — в доказательствах существования загробной жизни, другое — в представлениях об этой жизни.

Философы учили, что душа проста и бесформенна и как таковая не подлежит уничтожению, в отличие от вещей, имеющих некую форму и, следовательно, сложных. Это явилось доказательством существования загробной жизни в рамках философских умопостроений. Душа, согласно этим гипотезам, продолжает свое бытие по смерти, погружаясь в аморфную идею или в лишенное всякого облика божество. Все усилия философов доказать, что нематериальная и бесформенная душа, тем не менее, живет сознательно и индивидуально, не смогли сделать такое мнение популярным, так как серьезный мыслитель никак не способен вообразить сознание и индивидуальность в сочетании с чем-то совершенно аморфным. Не имея никаких аналогий в [видимом] мире, эти утверждения философов остались доступными лишь их [собственному] пониманию. Большинство же тех, кто считал сихлюбомудров своими учителями, еще до христианства представляли себе загробную жизнь по-христиански, да и нельзя вообразить ее иначе, не имея к тому никаких ясных доводов.

Христианская вера в загробную жизнь утверждалась на хорошо засвидетельствованном факте, а не на умозрении. Доказательством потусторонней жизни был воскресший Христос. Подобное эмпирическое, осязаемое доказательство должно было, по всей видимости, действовать сильнее, чем логический вывод из сомнительной гипотезы о простоте души. Загробная жизнь, согласно христианским представлениям, телесна² — хотя сподобившиеся ее носят особую, прославленную плоть, — и тем самым она, без сомнения, индивидуальна. (В своей книге, опубликованной на немецком языке под заглавием *Die Auferstehung Christi als Grunddogma der Apostolischen Kirche* — «Христово Воскресение как основной догмат Апостольской Церкви» — я попытался определить, как понимала загробное тело первоначальная Церковь.) Подобные представления о потусторонней жизни, наряду с вышеуказанным доказательством [ее бытия], быстро стали преобладать над мирозерцанием философским.

² Имеется в виду известная истина о том, что по Всеобщем Воскресении тело снова воссоединится с душой. — *Примеч. пер.*

Разумный читатель, которому не чужда неодолимая тяга человека к жизни, и притом не к какой бы то ни было жизни, а исключительно к жизни *сознательной и индивидуальной*, может легко представить себе те симпатии, с которыми новая религия была загодя встречена в среде, уже уставшей от бесконечных сухих теорий, и пресыщенной ими. Проповедь сей новой веры о реабилитации плоти в потустороннем мире чудотворно воздействовала на умы и сердца людей. Это благовестие сильно напоминало воспетую Гомером раннюю народную веру в загробную жизнь людей, а к тому же было и гораздо более привлекательным.

2. Сверх того, христианская религия реабилитировала не только тело потустороннее, имеющее бытие за гробом, но и тело посюстороннее, земное, брренное, не менее отвергаемое, унижаемое и презираемое всеми конфессиями, существовавшими в эпоху появления христианства. Если вера в воскресение плоти реабилитировала потустороннее тело, то вера в Воплощение Бога даровала реабилитацию и телу посюстороннему. Вопреки учению Платона о том, что человеческое тело — это зло и темница, и вразрез с утверждением Филона и многих религиозных гностических сект о том, что Бог, дескать, не мог ни сотворить материальный, телесный мир, ни [даже] прикоснуться к нему как к нечистому, христианские проповедники возвещали, что *Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16).

Учение о Воплощении Бога раскрывалось постепенно, утверждаясь на исконной, евангельской вере в Воплощение Слова и в отождествление Слова с Богом (Ин. 1, 1). В более поздние времена, в частности, с эпохи великих церковных Соборов и по сей день, термин *Боговоплощение* был и остался вполне привычным, повседневным. *Incarnatio Dei* стало темой тысячелетних неустанных размышлений среди ученого христианского сообщества и поводом к написанию самых объемистых фолиантов, когда-либо увидевших свет.

Апостол Павел верил, что тело — это *храм* <...> *Святого Духа* (1 Кор. 6, 19), посему строго и заповедовал новообращенным в веру: *Прославляйте Бога и в телах ваших* (1 Кор. 6, 20). Тем самым великий апостол богословски выразил то, о чем в синоптических Евангелиях сказано словами, далекими от богословия.

А сказано в них то, что Бог сотворил человека, что подает Он земле дождь и осиявает ее солнцем, что питает Он небесных птиц и одевает полевые лилии, что Он — сеятель на ниве мира сего, что Он — Домохозяин мира, что *Сын Человеческий* ест и пьет, присутствует на свадьбе, участвует в крупных народных торжествах, умножает вино, а тем самым — и земную радость, и позволяет помазать Себе ноги миром. Даже без догмата о Воскресении тела и Воплощении Бога Христос — Своим учением об особой загробной жизни, а также Своей естественной жизнью на земле и Своей любовью ко всему сотворенному — реабилитировал плоть как в небесной, так и в земной сфере бытия. Богословские же догматы о Воскресении (*resurrectio*) и о Воплощении (*incarnatio*) лишь скрепили³ эту реабилитацию.

Учение о Воплощении Бога не вызвало бы удивления и фураора ни в одну из доплатоновских эпох: ведь тогда боги и так были представляемы в теле, но во времена появления христианства, в пору триумфа крайнего платонизма, когда греховной считалась сама идея о том, что Бог может коснуться плоти, — в такой период учение о Боговоплощении знаменовало собой революцию в мышлении. Главная мысль христианской догматики: о том, что Бог не только лично, без посредства низших божеств, сотворил материальный мир, но и более того — что Он [еще] и воплотился, — оказалась, разумеется, скандальной для александрийских платоников, состязавшихся в увеличении дистанции между Богом и миром. Христианская же религия свела к нулю эту дистанцию, выдвинув лозунг: «Бог во плоти». Престарелый греко-римский мир пробудился, словно ото сна, и начал вспоминать собственную юность, когда и его боги шествовали во плоти. И эта вера его молодости, только в более возвышенной форме: вера в Бога во плоти, вера в Человека-Бога и Богочеловека — теперь снова ему предлагалась, привнося с собой и его юношескую силу, и волю к жизни.

Не трудно угадать, какими были практические, нравственные следствия учения о Боговоплощении и Воскресении плоти. Эта

³ Букв.: поставили печать на. — *Примеч. пер.*

телесная жизнь — уже не нечистая и не чуждая святости, а напротив — чистая и святая, ибо *Бог явился во плоти*; не никчемна она и не достойна презрения, ибо она — возлюбленное дело Божие; не зло она, а добро, потому что о ней заботится Бог; жизнь же по смерти — не бесформенная, в «небесном» теле, и не отчаянная [только] тень, а полнозначное бытие, хоть и не столь сентиментальное⁴, как жизнь земная. Такая вера спасала мир как от философской ненависти к плоти и бесцельного аскетизма, так и от вакханального разврата, которому предавалось плотью огромное количество людей, презирая ее [плоть], но все-таки изыскивая и вытягивая из нее все возможные и *невозможные* удовольствия.

Христианство вернуло плоти те права, которыми наделил ее Создатель мира при сотворении; оно освятило плоть как *храм Духа Святого*, то есть как нечто божественное, неприкосновенное. В реабилитации плоти и таилась причина быстрого распространения христианства и его исторической славы. Реабилитируя плоть, христианство омолодило мир и дало импульс народам к совершению новых доблестных подвигов, присущих лишь юным и сильным нациям...

Посредством реабилитации плоти христианство сотворило в старом мире то чудо, которое Христос требовал от Своих последователей, вещая: *Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Посему и считаем мы, что христианская реабилитация плоти — это подлинная причина распространения христианства, гораздо более мощная, чем все [те] пять доводов, что приводит Гиббон. Отсюда вытекает и наш второй вывод, по сути дела, совпадающий с уже ранее выдвинутым тезисом о большом участии людей в праздновании Святой Пасхи на земле: Святая Пасха пользуется сегодня таким чествованием по той же самой причине, что и в первые времена христианства, а именно: ею прославляется реабилитация плоти.

⁴ Букв.: чувственное. — Примеч. пер.

Saint Nicholas Serbian (Velimirovitch) Rehabilitation of the flesh (Part IV)

Translation from Serbian

Sergey P. Fonov

Orthodox publishing house Palomnik
palomnik@gmail.com

For citation: St. Nicholas Serbian (Velimirovich). «Rehabilitation of the flesh (Part IV)». Translation from Serbian by S. P. Fonov. *Diakrisis*. 2024. № 3 (23). P. 14–22. DOI:10.54700//diakrisis.2024.3.23.001

Annotation

The publication is a translation from Serbian of the work «Rehabilitation of the Flesh» by the famous Serbian holy theologian and prolific Church writer of the XX century – St. Nicholas (Velimirovich), Bishop of Žiža (1880–1956). St. Nicholas in this work traces the theme of the reception of the body and the fate of the soul and body after death in pre-Christian and non-Christian religions and teachings, as well as in the Old Testament and, finally, in Christianity, showing the exclusivity of Christian ideas about the value of the body in the light of Christ's Resurrection and the coming General Resurrection and Eternal life.

Key words: St. Nicholas Serbian (Velimirovich), Christianity, Easter, Resurrection, death, Eternal life, Human body.